Финли больше не просил у меня крови. По высочайшему повелению Прародительницы он полностью перестал тревожить мою жизнь и вмешиваться в мои дела. Технически. Но...

«Порежься. Порежь палец. Пролей немного крови.»

Я упустил из виду тот факт, что умею читать мысли. Когда я готовил, особенно когда что-то делал кухонным ножом, он украдкой наблюдал и пытался меня сглазить. Я серьезно чувствовал, что сойду с ума, если буду продолжать слышать такие мысли. На тот момент это было практически проклятием.

Черт возьми, почему этот греmlin жаждал моей крови?

«Я должен предложить кровь Прародительнице! Свежая кровь необходима слуге, чтобы высказать свое мнение создателю, особенно когда речь идет о создателе высочайшего превосходства. Слуга предлагает кровь, и создатель принимает кровь, прислушиваясь к содержащимся в ней словам. Такова традиция, и я уверен, что Прародительница ее примет!»

Судя по его мыслям, возникло небольшое недопонимание по поводу Прародительницы Тырканзяке.

Слуги были совершенно ничтожны перед создателем. Эти владыки крови могли рождать вампиров, доминировать над слугами с помощью искусства крови и даже заканчивать их жизнь движением пальца. Создатели были подобны божествам и родителям слуг.

«Прародительница смотрит на нас с жалостью. Она хочет защитить нас. Поскольку я знаю ее желания, я смогу убедить ее, если буду продолжать попытки.»

Однако в мире было много детей, которые были непослушными, и возмутительно много людей, которые презирали богов. Разнообразен был и их образ мышления. Существовало десять тысяч способов уважать родителей, и даже поклонение божествам различалось в зависимости от религии.

«Да! Сначала я сообщу ей о покойном старейшине. Как только она узнает, что один из ее ближайших вассалов погиб, она может передумать от горя.»

Финли колебался. Когда он впервые пал ниц перед Прародительницей, которая была подобна богине для его сородичей, он безошибочно колебался на мгновение — должен ли он обратить ситуацию в свою пользу, даже если это означало обман Прародительнице? Или он должен признаться в правде независимо от исхода дела?

Тогда он сказал правду, боясь и не зная силы Прародительницы.

«Хотя Святилище не преследовало его... Но даже Прародительница не будет знать этого. Если она потом обвинит меня, я с радостью приму наказание. Ее безделье здесь с такими мелкими кретинами — огромная потеря для нас, ночных дворян.»

Неизвестность вселяет страх. Вот почему мы всегда смиренны перед неизвестным. Когда наступает тьма, мы должны смиренно встречать ее лицом к лицу с факелом или лампой в руке или оставаться в своих домах.

Однако, с другой стороны, знание может принести не только душевный покой, но и высокомерие.

Прародительница Тырканзяка была весьма благожелательна, вопреки своей дурной славе. Получив ее защиту несколько раз за время своего пребывания здесь, Финли уже не был так напуган, как раньше. Вероятно, это и изменило его суждение.

— Хаа. И именно поэтому мне нужно изменить своё решение.

Иногда мне казалось, что моя способность читать мысли доставляет неудобства. Один из таких моментов был, когда я случайно слышал что-то, что меня не особенно интересовало, как сейчас.

Я не был пророком. Я не мог заглянуть в будущее и сказать, что произойдет. Но когда в мой разум вливались чужие мысли, когда мои способности раскрывали планы со слишком большой решимостью, но слишком малым содержанием, меня охватывала странная мысль.

Может быть, это была жалость? Или презрение? Это было чувство, которое заставляло меня хотеть помочь в достижении их цели, потому что она была настолько нелепой, и в то же время я чувствовал побуждение, которое соблазняло меня разрушить все это, как у озорного ребенка. Странное чувство расцвело в моей груди.

Подумав об этом, мне показалось более интересным найти хоть какую-то трудность в чтении чьих-то мыслей. Как с големом, Регрессором и, если не с кем другим, с вампиром. Подойдет даже Аззи. Было довольно весело копаться в их мыслях.

Но я предполагаю, что это было, в некотором роде, высокомерием, рожденным благословением.

Когда мои размышления подошли к концу, я также закончил готовить. В последний раз

посыпав блюдо нарезанной длинными полосками твердой морковью, я достал из кармана колокольчик и встряхнул его.

Дзинь-дзинь

— Гав! Гав-гав!

Я услышал лай Аззи, после чего почувствовал, как Финли быстро выбегает из угла, в котором он прятался. Не то чтобы Аззи заботилась о нем. Когда она ворвалась в столовую, я поставил тарелку. Она села на стул, уткнулась лицом в еду и принялась жевать морковку.

Я вытер руки тряпкой, повысив голос.

— Финли!

Финли, который пробрался обратно в свое укрытие, вздрогнул от моего голоса.

Я посмотрел точно туда, где он стоял за углом, и сделал объявление.

— Скажи Стажеру Тырканзяке. Сегодня днем будет урок.

<http://tl.rulate.ru/book/74815/3146075>